Из тьмы времён

Category: Goşgular,Kitapcy
написано kitapcy | 25 января, 2025
Из тьмы времён ИЗ ТЬМЫ ВРЕМЁН

В ночь, когда родился Александр Македонский, безумец Герострат, томимый жаждой славы, сжег знаменитый храм Дианы в Эфесе, за что и поплатился жизнью.
Учебник древней истории

Фантазия

Герои древности, с торжественной их славой,
Отзывных струн души во мне не шевелят:
По тяжким их стопам дорогою кровавой
Вступали в мир вражда, насилье и разврат…
За грозным шествием победной колесницы,
За радужным дождем приветственных цветов
Мне стоны слышатся из длинной вереницы
Угрюмых, трепетных, окованных рабов;
Мне видятся поля с сожженными хлебами,
Позор прекрасных дев, и слезы матерей,
И стая воронов, кружащих над костями, —
И стыдно мне тогда и больно за людей!..

Но в мраке прошлого, в ряду его преданий
Есть тень, покрытая бесславьем и стыдом,
Но близкая душе огнем своих страданий,
Своим падением и грозным торжеством.
Передо мной встают — больной и изможденный,
Суровый лик и взор загадочных очей,
И мрачно-строгий лоб, в безмолвьи дум склоненный,
И волны черные отброшенных кудрей…
И снится мне, что ночь нависла, над Элладой,
Что тихо в море спит лазурная волна,
И цепь далеких гор неясною громадой
В прозрачном сумраке едва-едва видна;

И будто эта ночь и нежит, и ласкает,
И жжет, опьянена дыханием цветов,
И будто в эту ночь на землю прилетает
Рой вдохновенных грез и благодатных снов…

О, счастлив тот, кому во мраке этой ночи,
В пустынной улице или в саду немом,
Яснее, звезд горят возлюбленные очи
И руку жмет рука в порыве молодом!..
О, счастлив тот, кто мог приветными огнями
Спугнуть душистый мрак под сводами аллей
И весело возлечь за шумными столами,
В ликующей толпе красавиц и друзей!..
Но если ты один… но если ты судьбою
На жизненном пиру, как нищий, обойден,
Но если, как туман, развеянный грозою,
Бегут твоих очей забвение и сон, —
О, бойся их — ночей ласкающих и нежных:
Суровый твой недуг в затишье их слышней,
И вдвое тяжелей отрава слез мятежных,
Когда от сладких слез томится соловей!..

Мне снится эта ночь, и снится он… Угрюмый,
Без цели он бредет по площади глухой,
Сжигаемый своей мучительною думой,
Страдающий своей непонятой тоской…
Спокоен шаг его: никто его лобзаний
Не ждет в ночной тиши, и не к кому на грудь
С отрадой горькою нахлынувших рыданий
И с братской жалобой во мгле ему прильнуть…
И если б даже в дверь к гетере беззаботной
Ударил он, любви желанием объят, —
Она ответила б с боязнью безотчетной:
«Уйди — ты страшен мне, безумный Герострат!..»

Безумный?.. Да, умам ребячески пугливым
И мелочным сердцам его не оценить:
Как свет исчадьям тьмы, он страшен всем счастливым,

Всем детски верящим и рвущимся любить…
Он их покой смутил безжалостным сомненьем,
Открыл им тайный яд в дыхании цветов
И бросил, не страшась, насмешкой и презреньем
И в них, объятых сном, и в мертвых их богов!..
Он юноше сказал: «Когда перед тобою,
Стыдливо опустив мерцающий свой взгляд,
Пройдет красавица медлительной стопою
И вдруг украдкою оглянется назад,
И, уловив ее невольное движенье,
Прочтет в чертах ее восторженный твой взор
И робость детскую и трепет восхищенья, —
Забрезжившей любви безмолвный разговор, —
Беги и не ищи отрадного свиданья:
Любовь — безумный звук… Любви на свете нет:
Есть только ложь одна, есть жгучие страданья,
Да кровь кипучая, да юношеский бред!..»

И деве он сказал: «Не верь в его лобзанья:
Он лгал, когда клялся навеки быть твоим;
Он твой, пока к тебе влекут его желанья;
Ударит час — и страсть развеется, как дым…»
Он говорил жрецам: «Смешны мольбы каменьям…»
Он воину сказал: «Стыдись, — ты не герой…»
Он их отвергнул всех, исполненный презреньем, —
И сам отвергнут был невнемлющей толпой…

По звонкой площади далеко раздаются
Во мгле шаги его… Навстречу, из садов,
К нему томительно и радостно несутся
И звуки пения и говор голосов…
Но он на их призыв чела не подымает.
Пред ним — старинный храм; холодный луч луны,
Скользя по мрамору, из мрака вырывает
Лепной узор колонн и выступы стены…
Он тихо входит внутрь… Глубокой ночи тени
Стоят, таинственно сгустившись по углам.

Вот и алтарь… Пред ним курится фимиам…
Гирлянда алых роз упала на ступени,
И, полною луной в окно озарена,
Стоит, божественной сверкая наготою,
Диана строгая, нема и холодна,
На лань покорную облокотясь рукою…
У ног богини жрец уснул глубоким сном,
На мрамор статуи склонясь седым челом.

И мысль внезапная безумца озарила:
Жить, чтоб потом не жить!.. Томиться и страдать,
Чтоб всё взяла с собой безмолвная могила
И чтоб о том никто вовек не мог узнать!..
А если стон души, исторгнутый мученьем,
Заставить прозвучать в грядущих временах,
Чтоб пробуждать в слепцах, объятых опьяненьем, —
Как встарь я пробуждал, — сомнения и страх?..
Сияньем истины слепить глаза разврату,
Ничтожество людей сурово озарять
И сквозь позор веков страдающему брату
Могучий отклик свой торжественно подать?..
. . . . . .
. . . . . .
И вспыхнул гордый храм, как факел погребальный,
И не угас еще доныне этот свет, —
А в ту же ночь другой безумец гениальный
Безвестно в мир вступал для крови и побед!..

16 сентября 1882 г. Goşgular